

UNITED WISDOM

Дзен: роль текста, учителя и прямого указания

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-22-N05 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Дзен: роль текста, учителя и прямого указания

Эпиграф

> *«Путь изначально совершенен и всеобъемлющ».*

Догэн, «Фукан дзадзэнги», первое предложение. Наш перевод английской версии Сото. Имена отдельных переводчиков на этой странице не указаны; коллективная версия не приписана одному человеку.

О чём эта статья

«Я прочитал, что дзен не зависит от слов. Значит, книги можно закрыть?» В таком условном вопросе есть понятное желание: перестать объяснять жизнь и наконец встретиться с ней. Но возникает и небольшая странность. О том, что слова не нужны, человек узнал из слов. Что именно ему предлагают оставить — чтение или привычку принимать описание за саму вещь?

Дзен часто изображают как внезапную мудрость, свободную от книг, правил и долгого обучения. Историческая традиция сложнее: она создала обширную литературу, формы наставничества, монастырские порядки и способы практики. Текст здесь может направлять, учитель — проверять и показывать, а прямое указание — обнаруживать предел готового объяснения. Между этими ролями есть напряжение, но их не нужно превращать в простую войну разума и опыта. Мы рассмотрим, почему фраза о передаче вне писаний не означает отказа от письменной культуры, чем коан отличается от занимательной загадки и почему доверие наставнику сохраняет нравственные границы. Затем отдельно предложим современное применение: как переходить от объяснения к внимательному действию, не присваивая себе статус постигшего дзен.

I. Дзен принадлежит буддийской истории

Дзен — японское название традиции, пришедшей через китайский чань; сам термин связан с санскритским дхьяна, медитацией. Это не нейтральная техника внимания, которую лишь случайно практиковали буддисты. Её религиозный горизонт связан с пробуждением, мудростью и состраданием. Академический обзор японского дзен подчёркивает роль практики и различает основные способы обучения.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Назвав этот горизонт, мы лучше понимаем, чего не может показать фотография пустой комнаты. Простота внешней формы не сообщает, что традиция лишена содержания. Белая стена может быть частью сложного религиозного мира так же, как богатое изображение может участвовать в тщательно организованной практике.

Важно также не использовать слово «дзен» как характеристику приятного настроения. Человек может быть спокоен, потому что отдохнул, услышал хорошую новость или пока не столкнулся с трудным разговором. Это не достаточное основание говорить о пробуждении. И наоборот: отсутствие приятного состояния не позволяет внешнему наблюдателю оценить глубину чьей-то религиозной жизни.

Для читателя, который изучает тему из любопытства, такая точность оставляет свободу. Можно не становиться последователем, не принимать метафизические предпосылки и всё же исследовать вопрос. Для этого не требуется ни переодеться, ни объявить каждую чашку чая священным переживанием.

Сложность начинается там, где мы хотим одновременно получить чужой авторитет и сохранить полную произвольность собственного толкования. Тогда любое понравившееся наблюдение называется дзен, а любой неудобный контекст — лишней традиционной оболочкой. Более честный разговор различает историческое учение, современную адаптацию и личную ассоциацию.

II. Передача вне писаний не означает жизнь без текстов

Формулы о передаче вне писаний и независимости от слов подчёркивают, что описание не исчерпывает осуществлённого понимания. Их нельзя читать как распоряжение уничтожить библиотеку. Достаточно посмотреть на официальный перечень текстов Сото для служб и практики: там есть сутры, памятные тексты, обеты и наставления.

Перед нами не случайное отступление от «чистого дзен». Письменное слово сохраняет память, задаёт формы, позволяет передавать учение через расстояние и время. Даже призыв выйти за предел готового понятия должен быть понятен кому-то в конкретном языке. Отрицать эту зависимость было бы слишком удобным способом не исследовать её.

В собственном условном примере человек читает подробное описание плавания. Он понимает последовательность движения, но ещё не знает, как держится тело в воде. Из этого не следует, что инструкция бесполезна. Она может предотвратить ошибку, объяснить упражнение и помочь заметить то, чего новичок не различает. Но прочитанное не заменит самого действия.

Аналогия ограничена: дзен не равняется спортивному навыку. Она лишь делает различимой связь между руководством и осуществлением. Когда мы начинаем презирать руководство, потому что оно не является действием, мы путаем разные функции. Когда считаем освоенную терминологию завершённым действием, путаем их снова.

Это напряжение существует в любой серьёзной работе. Человек может знать всё о честной беседе и годами её избегать. Может объяснять внимательность, не слыша собеседника. Проблема не обязательно в избытке книг. Возможно, книга стала местом, где можно безопасно оставаться понимающим, не встречаясь с тем, что понимание должно изменить.

III. Что текст способен сделать с читателем

Текст может передать сведения, но может также изменить сам способ постановки вопроса. Иногда его польза заключается в том, что привычный ответ перестаёт подходить. Читатель хотел получить определение, а встретил требование исследовать, почему именно этого определения ему так недостаёт.

В «Фукан дзадзэнги» Догэн соединяет вопрос о полноте пути с настойчивым призывом к практике. В официальном переводе Сото вслед за критикой погонь за словами идут вполне конкретные указания о месте, сидении и возвращении к обычному действию. Такой текст не просто отрицает объяснение: он переводит читателя в другой режим работы.

Полезно заметить, что непосредственность здесь не равняется произвольности. У практики есть форма. Не нужно заранее превращать эту форму в универсальное правило для всякого человека, но нельзя и стереть её, оставив только красивую идею «жить естественно». Слово «естественно» способно прикрыть и внимательность, и привычное избегание — это ещё предстоит различить.

Для современного чтения важно не обращаться с каждой фразой наставления как с независимым афоризмом. Призыв не судить во время определённой практики не означает, что в жизни следует отказаться от различения честного и нечестного. Отсутствие замысла «стать буддой» в наставлении не делает бессмысленными любые усилия и обязательства.

В условной ситуации человек прочитал фразу о непривязанности и перестал отвечать за совместную работу. Он говорит, что больше не цепляется за результат. Но остальные участники столкнулись с невыполненным обещанием. Здесь полезно вернуть фразу к контексту и отдельно оценить поступок. Религиозный термин не может выполнять вместо него работу оправдания.

IV. Догэн: почему практика не является только средством

У Догэна связь учения и осуществления приобретает более трудную форму, чем привычное «сначала узнай, затем сделай». Обычно мы представляем работу как производство результата: упражнение сегодня должно принести новое качество завтра. Но в дзенском понимании этой связи сама постановка цели может стать частью затруднения. Практикующий постоянно сравнивает нынешнего себя с образом будущего пробуждённого человека и снова ставит этот образ между собой и действием.

В пояснении Сэйдзюна Исии к сюсё итто речь идёт о единстве практики и осуществления. Автор обращается к восьмому вопросу «Бэндова» Догэна: практика не располагается полностью снаружи пробуждения как предварительный этап. Вместе с тем это не разрешение отказаться от практики на том основании, что всё уже в порядке. Исии подчёркивает обратное движение мысли Догэна: исходная природа будды должна осуществляться в практике. Это изложение религиозной позиции Сото, а не результат измерения состояния каждого сидящего человека.

Так появляется напряжение, которое теряется в популярных советах. Если человек сидит исключительно ради будущего особенного переживания, настоящее действие превращается в ожидание. Если он объявляет, что никакого действия не требуется, потому что уже обладает всем необходимым, исчезает осуществление. Обе крайности сохраняют удобный образ: будущего победителя или уже состоявшегося мудреца. Догэновская постановка вопроса мешает устроиться в любой из них.

Термин сикантадза обычно передают как «просто сидение». Но Кэнсю Сугавара в исследовательском пояснении Сото показывает, что простота не означает случайно присесть или отключить внимание. Речь о полной отдаче дзадзэн и отказе обращаться с ним только как с инструментом для внешней цели. При этом сам Догэн писал о чтении сутр. Приоритет сидения внутри такого учения не превращает всю письменную культуру в ошибку.

Для внешнего читателя здесь остаётся полезное различение, которое не следует называть освоением сикантадза. Можно делать что-либо и одновременно беспрерывно проверять, приблизило ли это к желаемому образу себя. А можно заметить, что само это сравнение заняло место работы. Условный музыкант разучивает фразу, но после каждой попытки оценивает, выглядит ли уже настоящим исполнителем. Учебная задача превращается в экзамен собственной идентичности. Вернуться к слышимой фразе — иной шаг, чем ещё раз подтвердить или опровергнуть свой статус.

Эта аналогия не доказывает догэновского учения: у музыкального упражнения есть измеряемые будущие результаты. Она только помогает увидеть, что цель может

поддерживать действие, а может заслонять его. Дзенская религиозная постановка значительно глубже обычного совета меньше волноваться о достижениях. Поэтому полезно удержать и понятную сторону примера, и несовпадение между примером и традицией.

Догэн также не сводит самопознание к накоплению более подробной биографии. В «Гэндзё коан», §§4–8 он связывает изучение пути с изучением себя, забыванием себя и осуществлением через множество явлений. Язык здесь намеренно нарушает привычную картину: отдельное «я» больше не выглядит единственным хозяином того, что должно быть понято. Это не инструкция утратить память, перестать заботиться о себе или отказаться от нравственной ответственности.

В толковании Кодо Такэути «гэндзё коан» относится к осуществляющейся действительности, а не только к старому случаю, выбранному для учебного разбора. Таким образом, одно слово «коан» может участвовать в разных постановках вопроса. У Догэна оно не обязано означать загадку, которую нужно решить и оставить позади. Содержание понятия раскрывается в тексте и практике, а не в одном самом удобном русском эквиваленте.

Изучая такой фрагмент, полезно не торопиться превращать его в лозунг «откажись от эго». Лозунг заранее сообщает, что следует осудить; текст заставляет исследовать, как устроено понимание. Иногда именно точное чтение препятствует слишком быстрому «прямому» выводу. Тогда текст и непосредственность оказываются связаны гораздо теснее, чем обещал популярный образ дзен без слов.

V. Коан: вопрос, который не живёт отдельно от обучения

Коан — случай или высказывание, используемое в определённых формах дзенского обучения. Он может выглядеть парадоксальным, но не является просто загадкой с хитрым ответом. В практике Риндзай коаны связаны с работой ученика и встречами с наставником; в Сото иной акцент получает сидение. Эти различия нельзя превращать в абсолютную стену между всеми представителями школ.

Когда коан вынут из обучения и помещён в подборку «десять загадок мудрецов», меняется его функция. Читатель может получить удовольствие, почувствовать недоумение, придумать интерпретацию. Это реальные события чтения. Но они ещё не показывают, что выполнена задача, которую данному случаю придавала конкретная линия.

Мы можем исследовать такую смену функции на собственном примере. Преподаватель задаёт студенту вопрос, чтобы проверить, как тот подходит к задаче. Студент находит ответ в интернете. Ответ совпадает, но проверяемый способ работы остаётся

неизвестным. Значит, правильная фраза не всегда является достаточным результатом обучения.

С другой стороны, было бы неверно заключить, что любой непонятный ответ наставника поэтому глубок. Трудность может возникать из особенностей обучения, из плохого объяснения, из языкового барьера или из отсутствия содержания. Само недоумение не устанавливает причину. Читателю остаётся право спросить о контексте, цели и форме встречи.

Здесь нужна редкая комбинация: не требовать, чтобы всё значимое немедленно стало знакомым, и не считать всё незнакомое значимым. Первая крайность закрывает обучение. Вторая открывает путь манипуляции. Между ними есть терпение, уточнение и возможность прекратить участие, если отношения становятся неприемлемыми.

VI. Учитель показывает больше, чем сообщает

Наставник может заметить разницу между тем, что ученик говорит о практике, и тем, как действует. Это одна из причин, почему обучение не всегда заменимо книгой. Живой человек способен ответить на конкретное затруднение, изменить объяснение и увидеть знакомую ошибку там, где ученик узнаёт только собственную убедительную историю.

Однако слово «способен» не означает «всегда делает правильно». Роль наставника требует отношений, знания и доверия; она не превращает все его суждения о финансах, семье или здоровье в истину. Можно доверять человеку в определённой области, не предоставляя ему право распоряжаться всей жизнью.

В собственном условном примере начинающий учится играть на инструменте. Преподаватель замечает напряжённую руку и предлагает иной подход. Это знание проверяется в работе. Но если преподаватель объявляет, что вправе выбирать ученику спутника жизни, он перешёл в другую область. Музыкальная компетенция не подтверждает такого полномочия.

Религиозное наставничество имеет собственный смысл, который аналогия не исчерпывает. Но вопрос о границе полномочий остаётся человечески понятным. В каком качестве человек говорит сейчас? Каковы основания его совета? Приняты ли соответствующие обязательства? Может ли ученик задавать вопросы? Что происходит при несогласии?

Рассмотрим ещё один собственный условный случай, чтобы понять, как совет становится предметом совместной работы. Читатель приходит с вопросом: если нужно оставить готовое объяснение, следует ли вообще перестать думать? Собеседник предлагает сначала точно описать один недавний разговор. Читатель замечает, что помнит прежде

всего свой ответ, а просьбу другого человека уже заменил догадкой. Теперь исходный вопрос изменился: речь не об устранении мышления, а о конкретной подмене услышанного. Это пример нашей современной учебной ситуации, а не описание дзенского обряда или исторической встречи мастера с учеником.

В такой работе текст, совет и действие проверяют разные стороны затруднения. Текст помогает не принять отдельную фразу за запрет на всякое рассуждение. Собеседник возвращает вопрос к случаю, который можно рассмотреть. Сам читатель сопоставляет свою версию с тем, что действительно было сказано. Если обнаружено расхождение, оно ещё не доказывает духовную глубину наставника; если расхождения нет, это не означает непригодности всякого обучения. Появилась небольшая задача, которую можно уточнить и повторно проверить. При следующем разговоре читатель может спросить, верно ли передал просьбу, вместо того чтобы молча приписать ей знакомый смысл. Ответ другого участника способен исправить и первоначальную догадку, и слишком уверенное объяснение советчика. Поэтому помощь сохраняет ценность без требования передать кому-либо последнее слово обо всех обстоятельствах своей жизни.

Эти вопросы не уничтожают доверие. Иногда они впервые делают его определённым. Без них «доверие» способно означать всё сразу: уважение к опыту, надежду на поддержку, страх потерять общину и готовность подчиниться. Различив эти основания, человек лучше понимает, какие отношения действительно выбрал.

VII. Прямое указание и соблазн абсолютного авторитета

Прямое указание можно понять как обращение к тому, что невозможно заменить очередным отвлечённым определением. Но его непосредственность не создаёт автоматической нравственной непогрешимости говорящего. Между необычным способом обучения и разрешением причинять вред нет необходимой связи.

Это особенно важно для популярных рассказов о резких репликах, криках и действиях старых мастеров. Исторический рассказ имеет жанр, обстоятельства и собственную передачу. Современный человек не получает полномочия воспроизводить любое описанное действие только потому, что называет себя учителем. Чтение истории и согласие на участие — разные события.

Условный ученик чувствует унижение, а наставник говорит: «Это сопротивляется ваше эго». Возможны разные объяснения реакции, но эта фраза не проверяет ни одно. Она заранее делает любое возражение дополнительным доказательством власти наставника. В такой замкнутой схеме уже нельзя отличить полезную трудность от произвола.

Наш нравственный вывод ясен: утверждение о глубоком духовном смысле не отменяет вопроса о согласии, последствиях и возможности остановиться. Это современная оценка

отношений, а не заявление, что все исторические линии дзен устроены по одинаковым современным правилам. Различение необходимо именно потому, что традиция исторически неоднородна.

Не стоит и превращать эту границу в подозрение ко всякому трудному обучению. Новое знание иногда требует терпения, повторения и признания ошибки. Разница состоит не в наличии дискомфорта, а в том, можно ли исследовать его значение, назвать пределы и сохранить достоинство участника. Дискомфорт не является доказательством ни роста, ни вреда сам по себе.

VIII. Почему повседневность не означает простоту задачи

Дзен часто связывают с возвращением к обычной жизни. Самоописание Сото соединяет дзадзэн с повседневной практикой. Но привычное действие может быть трудным именно потому, что в нём давно исчезло внимание: человек уже знает, как всё называется, и потому перестал смотреть.

В условном разговоре он слушает близкого, одновременно готовя ответ. Слова слышны, но содержание проходит через готовую защиту. Призыв «быть внимательнее» кажется банальным, пока не выясняется, что нужно на время отказаться от роли того, кто всё понимает. Простота формулировки не означает простоты исполнения.

Здесь легко создать новую роль — человека, который «всегда присутствует». Тогда каждое действие снова оценивается с точки зрения собственного образа. Он моет чашку и думает, насколько правильно моет её как практикующий. От образа занятого человека он перешёл к образу непосредственного, но продолжает следить прежде всего за образом.

Наше современное различение скромно: внимание к действию и демонстрация внимательности — разные занятия. Человек может тихо выполнить обещанную работу без особенного переживания. Может произнести прекрасные слова о присутствии, оставив работу другим. Поэтому полезность нельзя оценивать только по внутренней торжественности момента.

Повседневность содержит также конфликт, усталость и неясность. Если «обычная жизнь» существует в тексте только как чай, сад и чистая комната, из неё исчезли многие обстоятельства большинства людей. Содержательное применение должно выдерживать разговор об ответственности и границах, а не только эстетическое впечатление.

IX. Предел слова: точка встречи, на которой традиции расходятся

Недостаточность формулировки — общий вопрос нескольких традиций, но ответы на него различаются. Дзенский текст помогает обнаружить это особенно ясно: если запись не заменяет осуществления, она всё же может направлять его. Чтобы понять отношение текста и живого обучения, полезно сравнить Догэна с авторами, для которых эта проблема возникает в иной форме.

В «Федре» Платона, 275d–276a письменная речь сопоставлена с живым знающим словом: запись не может отвечать на каждый новый вопрос сама. Это близко к нашему затруднению с учеником, который располагает правильным ответом, но ещё не приобрёл способность понимать случай. Сходство состоит в критике подмены знания его видимым следом. Однако платоновское обучение развивает диалектическую работу и знание предмета; оно не становится дзадзэн оттого, что тоже требует участия учителя.

Эпиктет делает иной акцент. В «Энхиридионе», §51 обсуждение доказательств нравственной нормы сопоставлено с её применением. Человек способен объяснить недопустимость лжи и продолжать лгать. Здесь мы узнаём разрыв, который возникает, когда чтение охраняет образ понимающего вместо изменения поведения. Но стоическое упражнение и догэновское единство практики с осуществлением имеют разные основания. Похожая критика книжной самоуверенности не устраняет этого расхождения.

У аль-Газали опытное знание Бога отличается от дискурсивного описания и требует религиозной работы, что раскрыто в IEP, §4c. Это ещё одна точка, где сведения не равняются осуществлению. Но теистический адрес знания нельзя незаметно заменить буддийским пробуждением. Не следует также объявлять любое сильное переживание достаточным для обеих традиций: в каждом случае действуют свой язык, обучение и нравственная дисциплина.

Такое сравнение проясняет исходную книгу, которую хотелось закрыть. Можно перестать читать ради действия. Можно читать дальше, чтобы исправить понимание. Ошибка возникает не в одном из этих жестов, а в неверной мере результата: услышанная фраза принимается за освоенный путь, встреча с учителем — за абсолютную гарантию, переживание — за полномочие судить других. Текст и непосредственность становятся противниками только после того, как им приписали одинаковую функцию. Различив функции, мы вновь получаем возможность учиться.

X. Завершение: указатель не заменяет встречу

Текст, учитель и прямое указание не обязаны соперничать. Текст сохраняет и различает. Учитель помогает работать с конкретным затруднением. Указание может вернуть внимание к тому, что уже спряталось за объяснением. Каждая роль имеет пользу и предел.

Для современного читателя особенно важно не сделать из предела слова повод отказаться от точности. Когда речь идёт о договорённости, знании, согласии или причинённом вреде, ясные слова необходимы. Молчание может быть практикой; может быть уклонением. Отличить их невозможно одним названием традиции.

Точно так же непосредственный опыт не обязан стать личным сертификатом истины. Человек пережил нечто важное — это заслуживает внимания. Но описание переживания, вывод о мире и притязание на власть над другими всё ещё требуют различения. Глубина не снимает эту работу.

Книгу из начального вопроса можно закрыть, если сейчас пора перейти к практике. Можно открыть снова, если осталось непонимание. Сам жест не определяет мудрость. Важнее, помог ли он точнее встретиться с тем, что происходит, и не утратить ответственность за происходящее между людьми.

Что это значит на практике

Следующее предложение — современный опыт внимания, не инструкция к освоению дзен и не обещание пробуждения. Выберите одно привычное действие, которое допускает спокойную прямую проверку: прочитать письмо, убрать рабочее место, выслушать короткое сообщение. Не требуется менять дыхание, принимать специальную позу или добиваться необычного состояния.

В начале назовите, что именно предстоит сделать. Затем выполните действие, замечая моменты, когда готовое объяснение заменяет восприятие. Читая письмо, различите написанные слова и уже появившуюся историю о намерениях автора. Слушая сообщение, заметьте, в какой момент начали репетировать собственный ответ.

После завершения не оценивайте себя по шкале «осознанный — неосознанный». Спросите, что стало конкретнее. Вы обнаружили пропущенный срок? Услышали просьбу, которую прежде считали обвинением? Поняли, что не можете сосредоточиться и нужна пауза? Это проверяемые различия. Красивое ощущение присутствия может сопровождать их, но не обязано.

Условный человек перед важным разговором перечитал три книги об общении. Теперь он может выбрать одно действие: пересказать просьбу собеседника и проверить, правильно ли понял. Это небольшая встреча текста и опыта. Книга предложила различение; разговор проверил его; полученный ответ изменил картину.

Если вы хотите познакомиться именно с дзенской практикой, современного упражнения недостаточно. Полезно узнать, к какой линии относится община, как организовано обучение, что ожидается от начинающего и какие обязательства возникают. Не нужно принимать всё заранее. Первое посещение может остаться знакомством.

Обратите внимание и на собственное ожидание. Если вы ищете учителя, который наконец снимет необходимость выбирать, никакая глубина традиции не делает это ожидание безопасным основанием доверия. Если ищете только подтверждение уже известных ответов, встреча может стать декоративной. Между этими крайностями есть готовность учиться, сохраняя ответственность за участие.

Ключевая цитата

> *«Практика и осуществление по природе незапятнанны. Движение вперёд — в конце концов, повседневное дело».*

Догэн, «Фукан дзадзэнги», абзац о практике и осуществлении; наш перевод версии Сото. Эта строка не отменяет обучения. Она возвращает вопрос о понимании к тому, как проживается обычное действие.

Связи между традициями

Это наши аналитические сопоставления. Таблица показывает общий вопрос и предел сходства; историческое влияние не устанавливается одним совпадением формулировок.

Позиции	Сходство	Граница
Догэн, Фукан дзадзэнги ↔ Платон, Федр	Словесная запись не исчерпывает осуществлённое понимание.	Диалектическое знание и дзадзэн не имеют одинаковой задачи.
Практика/осуществление Сото ↔ Эпиктет, §51	Знание не оценивается одним умением объяснить.	Стоическое применение норм не равно сюсё итто.
Японский дзен ↔ аль-Газали, §4c	У религиозного обучения есть опытная сторона.	Знание Бога не переименовывается в буддийское пробуждение.

Позиции	Сходство	Граница
Сикантадза у Сугавары ↔ Аристотель, II,1	Участие в действии существенно для формирования способности.	Просто сидение не сводится к тренировке характера ради внешней цели.
Гэндзё коан Догэна ↔ пояснение Такэути ↔ Риндзай в SEP	Коан связан с преобразованием понимания.	Осуществляющаяся действительность и учебный случай нельзя без остатка перевести как загадку.

Первоисточники

• Japanese Zen Buddhist Philosophy. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Введение, §§1–2 и §4: буддийский контекст, коаны, Сото/Риндзай и ограничения отвлечённого знания.

• Догэн. Fukan Zazengi. Официальный перевод SOTOZEN.COM. Вопрос о пути, поворот от погонь за словами к практике, конкретная форма сидения.

• Soto School Scriptures For Daily Services And Practice. Прочитан перечень; служебные тексты, сутры и наставления.

• Denomination. SOTOZEN.COM. Самоописание Сото и место практики в повседневной жизни.

• Seijun Ishii. Shusho Itto. SOTOZEN.COM. Единство практики и осуществления; начало пояснения и восьмой вопрос «Бэндова» в приведённом автором переводе.

• Kenshu Sugawara. Shikantaza. SOTOZEN.COM. §§1–2: приоритет дзадзэн и отказ свести его к средству внешней цели.

• Догэн. Genjō kōan / The Realized Kōan. Sōtōshū Shūmuchō, 2023. Основной фрагмент §§4–8; современный английский перевод с японским текстом и примечаниями.

• Kodo Takeuchi. Genjo Koan. SOTOZEN.COM. Начало пояснения: различие учебного случая и осуществляющейся действительности в толковании Догэна.

• Платон. Федр, 274c–277a, перевод Benjamin Jowett. Первичный текст: письмо, память и живое обучение..

• Эпиктет. Энхиридион, §§1, 5, 51, перевод Elizabeth Carter. Первичный текст: представление, суждение и осуществление философии..

• Al-Ghazālī. Internet Encyclopedia of Philosophy, §4c. Академическое изложение суфийского опытного знания и нравственной дисциплины..

• Аристотель. Никомахова этика, II, 1 и 6, перевод W. D. Ross. Первичный текст: привычка и середина относительно человека..

Теги

дзен, чань, дхьяна, Догэн, Фукан дзадзэнги, Гэндзё коан, Бэндова, Сото, Риндзай, дзадзэн, сикантадза, сюсё итто, практика, осуществление, пробуждение, коан, наставничество, текст, передача, чтение, непосредственность, понимание, дисциплина, нравственная граница, повседневность, Платон, Федр, Эпиктет, аль-Газали, Аристотель, авторитет, ответственность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.